

Традиция исследований старообрядцев Литвы: от демографии к истории конфессии и социолингвистике

Григорий Поташенко

Вильнюсский университет, Литва

Название статьи указывает на путь от первых попыток более систематического изучения староверов Литвы, делавшихся в XIX в., до различных направлений в научных исследованиях староверия в наши дни. Я не ставлю перед собой цель дать как можно более исчерпывающий обзор исследований староверия Литвы и не намерен представлять некоторые современные исследования литовского староверия как какое-то выделяющееся авангардное явление в контексте изучения русских Литвы и Балтийских стран в целом. В течение последних десяти лет можно наблюдать некоторое возрождение исторических, фольклорных, социолингвистических и некоторых других исследований староверия Литвы, в которых в советское время господствовало Средневековье – кажется, более темное, чем в Ленинграде или в Москве.

Цель настоящей статьи – выявить и проанализировать основные направления современных исследований староверия Литвы, объем этих исследований и их состояние. Несколько замечаний сделаю также о более ранней традиции исследований старообрядцев Литвы.

Интерес к староверам в исторической Литве появился вскоре после их переселения в страну. Несмотря на то, что староверие было и отчасти все еще остается недостаточно изученным, в литовском обществе бытовал определенный образ староверов. Уже в конце XVII в. староверы в Великом княжестве Литовском в глазах католической верхушки были небольшой группой иностранцев христианского вероисповедания с допустимой дозой «сектантства». В XVIII в. иногда их обобщенно называли «филипонами», приписывая всем им радикализм филипповцев (печально прославившихся в России своими «гарями»-самосожжениями, о чем в Литве данных нет), небольшая группа которых действительно появилась в ВкЛ приблизительно в 1760-х годах или даже ранее. В XIX и XX вв. в зависимости от изменчивого общественного мнения веру старообрядцев считали то неким странным религиозным течением свободолобивых москалей, проникших на литовские земли еще «при Польше», то, наоборот, ее приверженцев именовали староверами-«бурлаками», которых

царские власти населяли по всей Литве, особенно после восстания 1863 г., с целью колонизации и русификации края, или же воспринимали старообрядчество как веру русских старожилов Литвы (некий вариант русского народного православия).

В действительности все несколько проще: несмотря на определенный религиозный радикализм, аскетизм и замкнутость, прежде всего, в ранний период своей истории, староверие было частью русского православия в Литве, новые и разные формы которого появились здесь в XVII–XIX вв. В 1923 г. староверие было признано в качестве автономной религиозной организации правительством независимой Литвы, а ныне, с 1995 г., ДПЦ – одно из традиционных религиозных сообществ страны, как и Католическая церковь, Литовская епархия РПЦ и другие религиозные общества.

Сложившийся в обществе образ «другого» – еще не научный интерес к нему. Вообще, история более систематического изучения литовского староверия началась во второй четверти XIX в. В ней можно выделить несколько этапов в зависимости от преобладающего направления исследований и социально-политических условий в Литве, повлиявших и на характер научной деятельности. Выделим четыре этапа: 1) вторая четверть XIX в.– начало XX в.; 2) 1920–1930-е годы; 3) советский период; 4) период после 1990 г.¹

Первые шаги в изучении литовского староверия предприняли как царские власти, так и сами староверы. В 1820-е годы для российской администрации было актуальным демографическое положение русских в Виленской губернии. Поэтому в 1826–1827 гг. местные власти провели перепись русских этой губернии, а также провели опрос десятков людей. Собранные материалы хорошо отражают социальное положение и структуру русского населения, т. е. его состав по полу, возрасту, религиозной принадлежности, семейному положению и времени проживания в Виленской губернии. Эти данные также позволяют отчасти проследить миграционные процессы во второй половине XVIII в. и в первой четверти XIX вв. (см. *Lietuvos valstybės istorijos archyvas*, f. 752, ap. 1, b. 1–133). Для историка это уникальный источник. Местные власти же исполняли приказ «сверху», ожидая дальнейших указаний, что делать с русскими Виленской губернии. Вскоре грянуло восстание 1830–1831 гг. Затем местная администрация, видимо, забыла об этом статистическом исследовании вообще.

В 1841–1853 гг., предположительно москвичом В. Золотовым, был составлен «Дегуцкий летописец», который является оригинальным памят-

¹ Краткий и неполный обзор истории изучения староверия Литвы см.: (Чюбринкас 1998: 5–8); анализ источников и литературы по истории староверия Литвы см.: (Поташенко 2006: введение).

ником старообрядческой историографической традиции Литвы и Латвии (Хронограф 1990; Хронограф 2004). В этом сочинении не только собрано множество фактов, содержатся устные предания местных старожилов и очевидцев, местные летописные записи и личные впечатления, но и впервые более детально показана история формирования федосеевского общества, описаны некоторые стороны религиозной жизни и быта староверов на территории северо-западной части ВкЛ и Курляндии с 1659 по 1851 г.

Таким образом, на николаевские репрессии и антистарообрядческую пропаганду староверы Литвы и Курляндии пером москвича ответили в 1840-х и начале 1850-х годов своей версией истории староверия в крае. Политику императора Николая в отношении староверия они сравнивали с вторжением российских войск в охваченную революцией Австрию (1848) и называли ее войной против староверов. Следует заметить, что это, как мы бы сегодня сказали, история религиозного меньшинства².

Во второй половине XIX и в начале XX вв. российское общество открыло староверие как крупное религиозное и социальное движение. Появилась обширная литература о расколе Русской церкви в середине XVII в. и старообрядческом движении в целом. В этот период появились работы, касающиеся и староверия Литвы. Необходимо отметить две попытки изучения демографического и социально-политического положения литовских староверов и их прошлого российскими чиновниками. П. Корецкий в своей статье «О раскольниках в Ковенской губернии» (1863) сделал демографо-статистический обзор положения местных староверов в середине XIX в. и указал время возникновения или закрытия некоторых старообрядческих молелен в этой губернии. А. Станкевич в «Очерках возникновения русских поселений на Литве» (1909) коротко рассмотрел старые русские (в основном старообрядческие) поселения до конца XVIII в., но главное внимание уделил хозяйственному и правовому положению русских крестьян в Литве после 1863 г.

В 1920–1930-е годы в Литве, как и в других странах, серьезные исследования истории местных староверов почти не проводились. В литовской

² В этой связи можно спросить – когда и в какой мере староверы Литвы стали русскими, т. е. частью русского народа? В современных условиях вопрос можно сформулировать иначе: если староверы являются религиозным меньшинством, то какие отношения связывают их с русскими Литвы? Вопрос не будет казаться надуманным, если сравним нашу ситуацию с ситуацией небольшой группы староверов (около двух тысяч человек) в соседней Польше. Так, все больше польских староверов осознают себя религиозным меньшинством Польши. Это значит, что они считают себя скорее поляками русского происхождения или уже только поляками. Поэтому, являясь религиозным меньшинством, польские староверы перестают быть национальным меньшинством, т. е. русским меньшинством Польши.

историографии в этот период господствовал этноцентрический принцип. Это означало, что историки, изучая прошлое литовского государства, стремились, прежде всего, выявить вклад в его историю этнических литовцев и литовской культуры, а также влияние на эту культуру литовского языка. Сведения о происхождении староверов в Литве нередко ограничивались в их работах данными упомянутой выше книги А. Станкевича «Очерки возникновения русских поселений на Литве» (1909) и лишь отчасти – некоторыми результатами собственных исследований (см. Šарока 1989; Šарока 1934). В то же время в 1930-е годы было опубликовано несколько книг, написанных самими староверами. Историк и видный деятель литовских поморцев И. Прозоров написал «Историю старообрядчества» (1933). В 1937 г. знаток истории и культуры староверия И. Заволоко, впоследствии известный специалист по древнерусской книжности, издал в Риге свою «Историю Церкви Христовой» (1990). Это были попытки систематизировать, с точки зрения самих староверов, накопленные данные и обобщить результаты исследований по истории всего староверия. В этих работах тематически-сюжетное повествование начинается с дохристианских времен (И. Заволоко) или с начала христианства на Руси (И. Прозоров) и доводится до 1930-х годов. В этих книгах находим также краткие сведения о возникновении некоторых старообрядческих общин и их наставниках в Литве, как и в Латвии, Эстонии, в XVII–XIX вв. Авторы использовали такие малоизвестные в то время источники, как «Дегуцкий летописец» и «Увещание» (1840). Они впервые дали более детальный обзор религиозной жизни местных староверов во второй половине XVII и в XVIII вв. в контексте российского древлеправославия, чем это делалось до них. Кроме того, немало интересных сообщений о ранней истории местных староверов в 1920–1930-х годах появилось в периодической печати поморских общин и организаций Литвы, Польши и Латвии, таких как «Вестник Высшего Старообрядческого Совета в Польше», «Китеж-Град», «Родная старина», где, например, была опубликована статья А. Воловича «История староверия в бывшем Прибалтийском крае» с фрагментами о староверах в Курляндии и ВкЛ из книги «Увещание» (см. Волович 1927), и др.

В советский период (1945–1990) проблемы истории Церкви и духовной жизни продолжительное время вовсе не входили в программу научных работ и книги по этим проблемам практически не издавались, если они не были написаны с точки зрения так называемого «научного атеизма». В подходе к изучению прошлого, в частности истории Церкви, господствовала советская интерпретационная модель. Ни одной книги по истории литовского староверия в этот период в Литве и за ее пределами опубликовано не было. В советское время немало ученых в СССР думали или предполагали, что староверие – все же «умирающая» религия: и ста-

роверов становится все меньше, и религиозная жизнь малоразвита. Если бы некоторые советские религиоведы проникли в конкретные предпосылки тезиса К. Маркса о том, что религия является не только «опиумом для народа», но и «сердцем бессердечного мира», то это им могло бы помочь понять, почему религия в СССР, уничтожившем капитализм, все еще была жива, хотя и преследовалась милицией и КГБ.

С 1945 г. в не столь многочисленных исследованиях советского периода господствовала точка зрения на староверие как феномен культуры (но не религии). В это время работа по изучению местного староверия велась не только в Литве. В 1952 г. О. Ганцкая предприняла этнографическое изучение русского старожильческого населения северо-восточной части Литвы, значительная часть которого была старообрядческой (Ганцкая 1954). Все же этот взгляд на староверие как феномен культуры не был для всех строго обязательным.

Кроме того, такое отношение к староверию положительно повлияло на различные направления исследований староверия в России и Литве и состояние науки: в Ленинграде, Москве, Новосибирске, Вильнюсе возникли исследовательские группы при вузах или научных институтах, проводились археографические, этнографические, фольклорные и прочие экспедиции, издавались книги и статьи. Именно в конце 1950–1970-х годов началось исследование говоров и фольклора староверов Литвы. Самой значительной публикацией этого периода были «Материалы для словаря старожильческих говоров Прибалтики» изданные в Риге в 1963 г. (см. Немченко, Сеница, Мурникова 1963; подробнее о диалектологических исследованиях этого периода см. Ђекмонас 2001). Целенаправленное собрание русского фольклора в Литве тогда было связано с введением в учебные программы вузов фольклорной практики студентов-филологов. В Вильнюсском университете этой работой более четверти века руководила Н. Митропольская. В архиве кафедры русской филологии было собрано около 60 тысяч текстов. Многие из них представляют несомненную научную и художественную ценность. Ю. Новиков считает, что по богатству фольклорного собрания с Вильнюсским университетом могут сравниться не более 5–6 ведущих вузов России, имеющих давние фольклорно-этнографические традиции (см. Новиков 2005: 430). Основные результаты изучения фольклора местных староверов были опубликованы в обширной работе Н. Митропольской «Русский фольклор в Литве: исследование и публикация» (1975), а лучшие на то время фольклорные записи вошли в сборник «Фольклор русского населения Прибалтики» (Померанцева 1976).

Самое интересное явление в современных исследованиях староверия Литвы (и не только Литвы) – это появление альтернатив устоявшемуся в советское время стилю мышления, возросший интерес к истории и

более глубокий ее анализ, а также междисциплинарный подход к изучению старOVERия.

В 1990-е годы стала более популярной альтернатива советскому образу мышления. Появилось стремление к более глубокому осознанию характера постсоветского промышленного общества и его религиозных проявлений. Такой подход основывается не на чисто идеологических предпосылках о том, что старOVERие умирает, а на ощущении проблематичности самой реальности. В действительности старOVERы Литвы как конфессиональное меньшинство сталкиваются как с конкретной проблемой демографического выживания, так и с общей проблемой современных религий – секуляризацией или, возможно, трансформацией религии. (Следует заметить, что эта проблема в социологии религии не решена.) Думаю, что с учетом именно этой альтернативы разрабатывалась исследовательская программа Интердисциплинарной группы по изучению старообрядцев Литвы (руководитель – д-р В. Чюбринскас). В 1995 г. это группа была создана при Вильнюсском университете.

Главное внимание было сосредоточено на изучении традиционных пластов культуры старOVERов Литвы (подробнее об исследовательской программе группы и первых годах ее деятельности см. Чюбринскас 1998: 7–8). Лидеры группы – проф. В. Чекмонас, проф. Ю. Новиков, д-р В. Чюбринскас, в то время докторант Г. Поташенко – четко осознавали, что динамичные изменения в литовском обществе последних тридцати-сорока лет ведут к почти безвозвратной трансформации и забвению традиционных говоров, религиозных и народных обрядов, образа жизни и исторической памяти сельского населения литовских старOVERов. Поэтому изучение именно этих, в определенном смысле уникальных, пластов культуры старOVERия было актуальным и важным.

После 1990 г. можно наблюдать некоторое возрождение фольклорных, исторических, социолнговистических и некоторых других исследований старOVERия Литвы. Именно деятельность Интердисциплинарной группы по изучению старообрядцев Литвы (ныне Ассоциации исследователей старообрядцев Литвы) во многом способствовала оживлению этого научного и отчасти общественного интереса к старOVERию Литвы и за ее пределами.

Продуктивно в области изучения старOVERия Литвы трудится фольклорист проф. Юрий Новиков (Вильнюсский педагогический университет), с именем которого связано возрождение ранее призабытой области. Участвуя в комплексных экспедициях Интердисциплинарной группы по изучению старообрядцев Литвы (1996–2002), Ю. Новиков основное внимание сосредоточил на тех жанрах народного творчества, которые в советское время незаслуженно замалчивались официальной наукой, редко записывались и практически не исследовались (христианские легенды,

духовные стихи, поверья, заговоры и т. д.). Проведение ежегодных итоговых конференций в Вильнюсе, выступления Ю. Новикова с докладами в России, Латвии, Эстонии, Беларуси, десятки публикаций текстов и исследований позволили ввести эти материалы в широкий научный оборот. В 1999 г. вышла его книга «Живое слово. Фольклор русских старожилов Литвы». В 2005 г. он издал сборник «По заветам старины».

Новое и интересное в исследованиях Ю. Новикова – то, что сейчас мы можем лучше представить себе фольклорную традицию литовских староверов в контексте общерусского фольклора и его специфику. Старообрядческая община в Литве формировалась на протяжении трех столетий, пополнялась выходцами из разных областей России, однако это не привело к пестроте местной фольклорной традиции. Ю. Новиков считает, что зафиксированная у русских старожилов Литвы фольклорная традиция является конфессиональным вариантом общерусской традиции, чем во многом определяется ее специфика. Устойчиво державшиеся среди староверов религиозные и бытовые запреты и ограничения ускорили отмирание календарной обрядовой поэзии, привели к заметному обеднению свадебного обряда.

С другой стороны, они способствовали активному бытованию христианских легенд и связанных с ними рассказов о праведниках и грешниках, духовных стихов, мифологических сказаний разных циклов (о лешем и домовом, о колдунах и «сглазе», о привидениях, оборотнях и «ходячих покойниках», о заклятых кладах и змеях). Накоплено большое количество фактов, свидетельствующих о единстве местной фольклорной традиции и ее генетической связи с традицией Псковского края (репертуар духовных стихов, древнейших баллад, заговоров; бытование ряда оригинальных версий сказочных сюжетов и произведений детского фольклора; употребление народных терминов «волхвит» или «волховит» для обозначения колдунов, наименование заговоров «стишками» и др.).

В настоящее время исследователь завершает подготовку к печати трехтомной антологии «Фольклор старообрядцев Литвы», в которую включены наиболее интересные памятники народной поэзии, нотные приложения и иллюстрации.

Фольклорные исследования являются достаточно развитым, но не единственным заметным направлением изучения староверов Литвы. Вообще следует заметить, что более или менее систематические исследования ведутся усилиями небольшой группы специалистов разных направлений главным образом в Вильнюсском и Вильнюсском педагогическом университетах: всего трое-четверо (максимум шестеро) ученых и три докторанта, не считая студентов, пишущих курсовые, бакалаврские или магистерские работы.

К новому и динамично развивающемуся направлению в исследованиях староверия Литвы можно отнести исторические работы. Интерес к изучению истории староверия Литвы на современном этапе во многом связан с тем, что она является как бы перекрестком, где сходятся задачи многих дисциплин. С одной стороны, языковеды, фольклористы, этнографы, социолингвисты, историки книги успешно ассимилируют достижения историков или сами занимаются историческими разысканиями либо компиляцией, тем самым превращаясь в ремесленников истории. С другой стороны, историки превращают задачи разных дисциплин в свои собственные, помещая их в рамки исторического контекста и исторического процесса. В результате содержание исторических исследований староверов Литвы также очень расширилось. Оно теперь охватывает анализ богословских положений беспоповцев, социальную структуру этой религиозной общины в контексте структуры всего общества, историю отдельных приходов, эволюцию взаимоотношений староверов со светскими властями в разные периоды истории, ход эмиграции староверов из России в ВкЛ. Впервые исторические исследования охватили все периоды более чем трехсотлетней истории староверия Литвы и почти все их общины в крае: ни один период больше не считается слишком отдаленным, а какая-то община – слишком маленькой, чтобы обратить на себя внимание историков.

Важным итогом исторических исследований по староверию Литвы (и шире – Балтийского региона) последнего десятилетия можно считать труд В. Барановского и Г. Поташенко «Староверие Балтии и Польши: краткий исторический и биографический словарь», подготовленный при участии еще 24 других авторов из пяти стран (Барановский, Поташенко 2005). Это первое словарное издание в этих странах, посвященное одной из традиционных религий Балтии и Польши – староверию и охватывающее большой период (со второй половины 17 в. до 2004 г.). Словарь содержит свыше 500 статей различного характера, многие из которых посвящены истории Древлеправославной поморской церкви Литвы, старообрядческим общинам федосеевского и поморского направления, высшим органам управления и деятелям Церкви. В статье по истории староверия Литвы я предложил новую периодизацию истории Древлеправославной поморской церкви Литвы. Вопрос о периодизации истории староверия в Литве ранее в историографии обстоятельно не рассматривался. Эта новая периодизация основана не на отношении государства к старообрядчеству, а на событиях и процессах церковного развития с учетом изменения политической ситуации. Наиболее существенными этапами истории староверия в Литве являются: 1) ранний период – 1679–1710 гг. (на землях всей Речи Посполитой – с 1659 г.); 2) собственно федосеевский период – 1710–1823 гг.;

3) федосеевско-поморский, или переходный, период – 1823–1918 гг.;
4) поморский период – с 1918 г. по настоящее время (Барановский, Потащенко 2005: 365).

Таким образом, в этом словаре собран и обработан огромный фактический материал, позволивший представить синтез более чем 300-летнего периода старOVERия Литвы и призванный способствовать дальнейшим аналитическим исследованиям.

В Литве долго не было специальных работ по истории местного старOVERия. Однако в 2006 г. такая работа уже опубликована. Речь идет о моей книге «СтарOVERие в Литве: вторая половина XVII–начало XIX вв. Исследования, документы и материалы» (Вильнюс, 2006). Эта книга состоит из исследования и публикации 116 документов и материалов, примыкающих к каждому из пяти ее разделов. Эту работу можно отнести к области истории религии и шире – социокультурной истории, поскольку здесь я пытался интегрировать историю Церкви, богословие и политику (прежде всего религиозную), отчасти социальную и культурную историю. Исследование посвящено раннему и федосеевскому периодам истории литовского старOVERия на северо-западных землях ВкЛ со второй половины XVII в. по 1823 г.

Результаты этой работы позволяют менять устоявшуюся в традиционной литовской историографии точку зрения на старOVERие Литвы как явление XIX в., связанное прежде всего с проводимой царскими властями политикой открытой русификации и колонизации края во второй половине этого столетия. Новые данные убедительно свидетельствуют о том, что в течение XVIII в. старOVERы стали составной частью общества ВкЛ, а первые эмигранты появились на территории современной Литвы в последней четверти XVII в. Сравнивая религиозные взгляды беспоповцев XVIII в., я пришел к выводу о том, что в более терпимой, более «демократической» Речи Посполитой федосеевцы были консервативнее, строже придерживались своих религиозных норм и были менее склонны к прагматизму в отношениях со светскими властями. В самодержавной России часть беспоповцев были более умеренными, более гибкими и шли на некоторые необходимые компромиссы с царской властью, хотя это и приводило к новым расколам в старOVERии.

Кроме того, считаю, что именно религиозная полемика между федосеевцами и поморцами, некоторые изменения богословских и мировоззренческих позиций, а не старообрядческая буржуазия, рожденная экономическим подъемом, не страх перед царскими репрессиями существенно повлияли на важные сдвиги среди литовских федосеевцев, начавших в 1823 г. признавать бессвященнословные браки.

Наконец, с некоторой долей осторожности можно утверждать, что в конце XVIII в. старOVERы в ВкЛ стали одним из самых многочисленных

религиозных меньшинств страны, по численности сравнявшихся или даже превзошедших еврейскую общину в Литовском княжестве.

Важная работа по эмиграции и реэмиграции русских и миграционным движениям россиян в России принадлежит демографу В. Кабузану (1996). Однако его труд требует уточнения и существенного дополнения в том, что касается эмиграции русских в ВкЛ, а также в Курляндию и Инфлянты, особенно во второй половине XVII и первой половине XVIII вв. Поэтому следует признать, что детальный очерк переселения староверов из России в ВкЛ, особенно в северо-западную его часть, анализ породивших его факторов и численности переселенцев в историографии до сих пор отсутствуют³.

Выявление новых письменных источников и их публикации неизменно вызывают интерес у любого историка. В этом плане такой важный для истории староверия Литвы и Латвии текст, как «Дегуцкий летописец», представляет собой интерес не только как исторический источник, но и как памятник историографии и культуры. Поэтому в 2004 г. было осуществлено второе издание «Дегуцкого летописца» (Хронограф 2004), содержащее также его перевод на литовский язык (автор перевода – И. Поташенко), комментарии и совместную вступительную статью Н. Морозовой и Г. Поташенко (2004).

Я отметил лишь некоторые, больше всего интересующие меня явления в исторических исследованиях по староверию Литвы. Их существует немало. Так, мной не затронуты работы по истории отдельных общин или нескольких общин в конкретных районах Литвы. Это скорее насыщенные фактами краеведческие, хорошо иллюстрированные научно-популярные работы, написанные самими староверами или людьми, имеющими родственные связи со староверами (см.: Blaževičius 1997; Čiplytė 2001; Барановский 2000, 2001, 2004; Селюгин 2004).

В современных гуманитарных и социальных исследованиях появились новые подходы к прошлому: возникла культурная история. Историю культуры нельзя назвать особенно новаторским направлением. В изучении староверия Литвы некоторые работы можно отнести к истории культуры в широком понимании этого слова и оценить вклад специалистов по старообрядческой книжности и историков в эту область.

В 1995 г. польская исследовательница З. Ярошевич-Переславцев издала интересную работу «Староверы в Польше и их книги» (Jaroszewicz-Pieresławsew 1995). В специальном разделе этой книги представлены исследования деятельности старообрядческих типографий в Речи Посполитой

³ В книге В. Ионцева, Н. Лебедевой, М. Назарова, А. Огорокова (2001) миграционные процессы русских из России в Речь Посполитую и обратно в XVII–XVIII вв. также почти не нашли отражения.

в XVIII–начале XIX вв. и их издательские программы. З. Ярошевич-Переславцев считает, что в рукописных и печатных книгах староверы сознательно продолжили и самобытно развивали древнерусскую культуру, внося тем самым значительный вклад в развитие искусства книги. Несколько лет спустя вышла ее новая книга «Кириллические издания типографий Великого княжества Литовского в XVI–XVIII вв.», также частично посвященная старообрядческим изданиям в ВкЛ (Jaroszewicz-Piereslawcew 2003). В России также было сделано немало для дальнейшего изучения старообрядческого книгопечатания в Речи Посполитой (см.: Вознесенский 1996; Вознесенский, Мангилев, Починская 1996). К этим исследованиям примыкают статьи Н. Морозовой, изучавшей книжные собрания приходских библиотек и отдельные памятники из частных собраний (Морозова 2001а).

В одной из своих статей о русских староверах Польши и Литвы в 1920–1930-х годах я обратился к другому направлению истории культуры – аналитической истории культуры. В этой статье сделан вывод о том, что словесное творчество русских староверов того времени, бесспорно, было большим шагом вперед (напр., в развитии литературного вкуса), но их литературная жизнь в целом оставалась малозаметной в литовском обществе. Главные причины этого явления носили социально-экономический характер: явное преобладание крестьянского населения среди русских старообрядцев Литвы, более 60 процентов которого в 1923 г. было неграмотным, экономические трудности, немногочисленная группа городской интеллигенции. Не менее важны при этом интеллектуальные и «культурно-психологические» факторы: преобладающая в старообрядческой среде культурная ориентация на традиционные ценности (антимодернизм), частично замораживающая динамику культуры, а также чрезмерная критика и неприятие новых форм культуры (Поташенко 2003).

Как заметил британский историк Джон Тош, самый большой повод для оптимизма в отношении будущего исторической науки – это тот факт, что все больше ученых сегодня исследуют темы, имеющие актуальное значение. В одной из своих статей и в прикладном исследовании я обратился к двум, как мне кажется, очень актуальным и злободневным проблемам: современному периоду истории ДПЦ Литвы и материальному состоянию культурного наследия староверов страны. Думаю, что стремление анализировать факты и процессы в современном литовском старообрядчестве имеет цель не выявлять хорошее или плохое, а более четко осознать глубину новых и старых проблем Церкви в постсоветском обществе и возможности, заложенные в сегодняшней ситуации (см. Поташенко 2004). В исследовании «Историческое и культурное наследие староверов Литвы» (2000–2001) были локализованы все храмы старообрядцев, старообрядческие и некоторые смешанные кладбища, а также пред-

ставлено их материальное состояние, историческое и культурное значение (рекомендательного характера). Исследование было осуществлено при поддержке Комиссии США по охране американского наследия за рубежом и приурочено к подписанию соглашения по культурному наследию между США и Литвой (2002). В 2006 г. в США был издан отчет по данному исследованию в виде книги (см. Potašenko 2006).

Еще одно направление изучения – это диалектологические и социолингвистические исследования говоров староверов Литвы. В 1996 г. группа диалектологов в составе проф. В. Чекмонаса, д-ра Н. Морозовой и студентов-русистов возобновила изучение старообрядческих говоров Литвы. Предполагалось, что за последние 30 лет эти говоры почти исчезли и разрушились. Действительно, количество старообрядческого населения, проживающего в деревнях, уменьшилось за это время во много раз. Однако оказалось, что в деревнях почти всех старообрядческих приходов можно было найти людей, сохранивших традиционную речь своих предков.

Самым большим достижением 1996–2002 годов можно считать создание Фонотеки старообрядческих говоров Литвы (около 400 часов звучания), которая в настоящее время содержит записи, выполненные во всех основных ареалах проживания старообрядческого населения. В это время разрабатывалось новое и интересное направление изучения говоров староверов Литвы – социолингвистическое исследование. Сама идея социальной обусловленности языковой эволюции отнюдь не нова. Она следует из аксиомы, согласно которой язык есть явление общественное, а если так, то, естественно, развитие языка не может быть полностью автономным: оно так или иначе зависит от развития общества. Вопрос заключается в том, как именно изменения в общественной жизни влияют на изменения в языке, каков механизм этого воздействия.

Как мне представляется, проф. В. Чекмонас пытался сочетать как синхроническую, так и диахроническую социолингвистику, т. е. он занимался и изучением отношений между старообрядческими говорами и социальными институтами (вернее, социальным окружением), и изучал процессы, характеризующие развитие старообрядческих говоров в связи с развитием общества (особенно в XX в.), а также языковые особенности этих говоров, интересные для исторической диалектологии русского языка.

Кроме того, многолетний опыт лингвиста и прекрасное знание предмета позволили ему сделать интересные предпосылки, некоторые предварительные, но тем не менее ценные обобщения, исходя прежде всего из социолингвистической перспективы. Он считал, что «участие в эвакуационных потоках, проживание на новых местах в России в среде православных означало окончание эпохи традиционной конфессионально и социальной закрытости старообрядческого сообщества» (Чекмонас 2003: рукопись). Здесь речь идет об эвакуации во время Первой мировой войны.

Принципиально новая ситуация в старообрядческих говорах начала складываться с середины 1920-х годов, когда дети староверов в массовом порядке начали посещать польские (на территории Виленского края, оккупированного Польшей) и литовские (на территории «Ковенской» Литвы) школы. В тех случаях, когда после окончания школы старообрядцам пришлось по тем или иным причинам много общаться с литовцами, они, полагал Чекмонас, совершенствовали свои знания в литовском, становились русско-литовскими, а в отдельных случаях литовско-русскими билингвами (т. е. литовский становился для них основным языком внешнего общения). Следует заметить, что В. Чекмонас оспаривал идею о давнем билингвизме старообрядческого сельского населения. Он доказал, что столь высокая степень сохранности традиционного говора объясняется именно монологизмом основной массы населения и продвинутым социальным статусом носителей диалекта в глазах окружающих.

Однако значительно более заметное влияние на социолингвистическую ситуацию в старообрядческом сообществе уже в советские годы оказал русский литературный язык. После 5-7-летнего обучения (не говоря уже о 10-летнем) в русских школах даже лица, постоянно проживающие в деревнях, стали активно избавляться от самых ярких черт своих традиционных говоров. Эти говоры сохранившейся части стабильного сельского населения стали как бы островными не только в лингвогеографическом, но и в социолингвистическом отношении. Иными словами, традиционные говоры в послевоенный период стали принципиально более открытыми как для влияния русского литературного языка, так и – это может показаться парадоксальным – литовского.

Важно, что социолингвистические исследования В. Чекмонаса, носящие межтематический и междисциплинарный характер, могут способствовать дальнейшему изучению староверия Литвы. Кроме того, они могут быть использованы разными специалистами других гуманитарных, а также социальных наук. К большому сожалению, начатая капитальная работа в связи со смертью проф. Валерия Чекмонаса, скончавшегося в 2004 г., приостановилась. Надеюсь, что ученики В. Чекмонаса завершат начатую им работу по подготовке «Очерков синтаксиса старообрядческих говоров Литвы» и, возможно, продолжат исследование традиционных говоров старообрядцев.

Специальных исследований по староверию Литвы специалистами социальных наук не проводилось. Однако разного рода фрагментарные данные о литовских староверах присутствуют в работах некоторых социологов (Kasatkina, Leončikas 2003; Симонян 2003), изучающих процессы социальной и этнической адаптации в современном литовском обществе. В книге Н. Касаткиной и Т. Леончика приводится характеристика этнической композиции Литвы и выявляются особенности ситуации меньшинств.

Это исследование основано на работе Х. Рунблома, пытавшегося классифицировать разные категории этнических групп в странах Балтии. Учитывая предпосылки и причины разных миграционных потоков, авторы относят всех русских и русскоязычных в странах Балтии к категории постколониальных меньшинств (Kasatkina, Leončikas 2003: 41–42). Мне кажется, такая типология слишком схематична и не учитывает сложности и различных причин миграции русских групп на территорию этих стран в разные периоды истории. Большинство староверов Литвы, Латвии и Эстонии следовало бы отнести к нетерриториальным меньшинствам. Часть староверов Литвы (более 9 тыс.), принудительно переселенных в 1941 г. в Литовскую ССР из оккупированной Германией Польши, не попадают ни в одну из шести выделенных категорий, хотя их с некоторыми оговорками, видимо, можно отнести к беженцам. Как бы там ни было, будем надеяться, что в ближайшем будущем староверие Балтии станет объектом специального исследования и для представителей социальных наук.

За рамками нашего обзора остались статьи по этнографии, музыкальной культуре и иконописи староверов Литвы или обращения к этой теме в других статьях. Однако в более подробном обзоре каждая из них заслуживает специального рассмотрения.

В совокупности с вышеуказанными трудами, все эти работы по староверию Литвы за последние шестнадцать лет способствовали тому, что все больше сведений о староверах Литвы попадает в новые серьезные работы по истории и истории искусства Литвы (см. Bumblauskas 2005; Ališauskas 2006; Lietuvos sakralinė dailė 2003). Новые достижения в некоторых направлениях современных исследований по староверию Литвы (прежде всего фольклористика, история, языковедение и социолингвистика) позволяют утверждать, что наука о староверии в Литве не уступает тому, что есть лучшего в польской, эстонской, латвийской и белорусской историографии, а в некоторых аспектах (справочные издания, изучение фольклора, ранней истории староверия Литвы), возможно, превосходит их. Учитывая научное продвижение в этих направлениях, сегодня в литовской историографии по староверию недостает более серьезных исследований по музыкальной культуре, иконописи, современной религиозности. В этом отношении она уступает тому, что есть лучшего в польской, российской и отчасти белорусской историографии.

* * *

На протяжении значительной части XX в. наше знание о советском обществе и его культуре было бедно фактическими данными и теоретическими новациями: социологи и политологи не могли проводить опросов, историки не могли попасть в некоторые архивы или не имели доступа

к некоторым документам, литературоведы имели представление лишь о некоторых произведениях, а всем вместе была навязана цензура и практически ограничен доступ к достижениям западной науки. Сегодня многие из этих преград преодолены и мы можем проводить интенсивные эмпирические исследования, подобно другим специалистам в мире, с ответственно более совершенными теориями и аргументацией. Что если объединить усилия и создать для Балтийского региона такие новаторские теории и интерпретации, такие новые исследования по истории и языку русских, этническим и социальным процессам в балтийских обществах, что представителям других областей социального и гуманитарного знания и исследователям по другим регионам Европы придется обратить внимание на эти исследования? Что если получившие новый стимул к развитию социальные и гуманитарные исследования, объединенные на региональной основе, помогут перестроить всю нашу работу по производству знания в этих областях, как этого требует от нас современность? В решении этой задачи история, социология (в частности, историческая социология), социолингвистика и другие направления языковедения – науки междисциплинарные по своей природе – могут сыграть важную роль. Я призываю к тому, чтобы мы все воспользовались этой возможностью для создания новой системы знания, в которой социальные, гуманитарные дисциплины и различные направления теснее взаимодействовали бы между собой ради лучшего понимания наших обществ и мира в целом.

Библиография

- Барановский, В. (2000) *Хранители старой веры. Страницы истории Зарасайской старообрядческой общины*. Зарасай.
- Барановский, В. (2001) «Очерк истории Вильнюсской старообрядческой общины (к 170-летию Свято-Покровского храма)». In: *Kalbotyra: Slavistica Vilnensis*. Nr. 50 (2). P. 141–155.
- Барановский, В. (2004) *Вековые святыни. Из истории староверческих общин, храмов, кладбищ Зарасайского края*. Зарасай.
- Барановский, В.; Потащенко, Г. (2005) *Староверие Балтии и Польши: краткий исторический и биографический словарь*. Вильнюс.
- Вознесенский, А. (1996) *Старообрядческие издания 18-начала 19 века: введение в изучение*. Санкт-Петербург.
- Вознесенский, А.; Мангилев, П.; Починская, И. (1996) *Издательская деятельность старообрядцев (1701–1918): материалы к словарю*. Екатеринбург.
- Волович, А. (1927) «История староверия в бывшем Прибалтийском крае». In: *Родная старина. Пробный номер*. 24 октября–6 ноября. С. 10–13.
- Ганцкая, О. (1954) «Некоторые материалы по этнографии старожильского русского населения Литовской ССР». In: *Труды института этнографии Академии наук СССР*.

- Т. 23: Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 г.). Москва. С. 78–88.
- Гурьянова Н. (1988) *Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма*. Новосибирск.
- Заволоко, И. (1990) *История церкви Христовой*. Рига.
- Ионцев, В.; Лебедева, Н.; Назаров, М.; Огорокова, А. (2001) *Эмиграция и репатриация в России*. Москва.
- Кабузан, В. (1996) *Русские в мире: динамика численности и расселения (1719–1989): формирование этнических и политических границ русского народа*. Санкт-Петербург.
- Корецкий, П. (1863) «О раскольниках в Ковенской губернии». In: *Памятная книжка Ковенской губернии*. Ковно, 1863. Отдел 2. С. 3–46.
- Митропольская, Н. (1975) *Русский фольклор в Литве: исследование и публикация*. Вильнюс.
- Митропольская, Н. (1976) «Песни и сказки русского населения Литвы». In: Померанцева, Э. (ред.) *Фольклор русского населения Прибалтики*. Москва. С. 10–81.
- Морозова, Н. (2001) «Литовское старообрядчество: история, культура, язык. (Библиографический указатель)». In: *Kalbotyra: Slavistica Vilnensis*. Nr. 50 (2). P. 195–218
- Морозова, Н. (2001a) «Памятные книжки Григория Клычова». In: *Kalbotyra: Slavistica Vilnensis*. Nr. 50 (2). P. 173–186.
- Морозова, Н.; Поташенко, Г. (2004) «Хронограф, сиречь Летописец Курляндско-литовской» – памятник литературы и историографии староверов Литвы». In: *Degūcių metraštis [Chronografas, arba Kuršo ir Lietuvos metraštis = Хронограф, сиречь Летописец Курляндско-литовской] / Rusišką tekstą parengė Nadiežda Morozova, į lietuvių kalbą išvertė Irena Potašenko, komentarus parašė Grigorijus Potašenko, pratarbę parašė Nadiežda Morozova, Grigorijus Potašenko*. Vilnius. P. 27–47.
- Немченко, В. (1963a) «Русские старожилы Литвы и их говоры». In: *Kalbotyra*. Nr. 7. P. 63–86.
- Немченко, В. (1963) «Образцы текстов русского говора центральной части Литовской ССР». In: *Kalbotyra*. Nr. 7. P. 97–110.
- Немченко, В.; Сеница, А.; Мурникова, Т. (1963) *Материалы для словаря русских старожиловских говоров Прибалтики*. Рига.
- Новиков, Ю. (сост.) (1999) *Живое слово: фольклор русских старообрядцев Литвы*. Вильнюс.
- Новиков, Ю. (сост.) (2005) *По заветам старины: мифологические сказания, заговоры, поверья, бытовая магия старообрядцев Литвы*. Санкт-Петербург.
- Новиков, Ю.; Шадрин, Т. (подгот.) (1992) *Русские пословицы Литвы: Из собрания Елизаветы Колесниковой*. Вильнюс.
- Померанцева, Э. (ред.) (1976) *Фольклор русского населения Прибалтики*. Москва.
- Поташенко, Г. (2003) «Русские староверы Польши и Литвы в 1920–1930-х гг. (по материалам старообрядческой печати)». In: *Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике*. Т. 7. Вильнюс. С. 60–84.
- Поташенко, Г. (2004) «Древлеправославная Поморская Церковь в Литве: 1990–2003 гг.». In: *Наследники Византии* (Материалы научно-просветительной конференции «История старообрядчества Балтии: истоки и современность», посвященной 550-летию падения Византии. 15 августа 2003 г., Даугавпилс). Даугавпилс. С. 139–166.
- Поташенко, Г. (2006) *Староверие в Литве: вторая половина XVII–начало XIX вв. Исследования, документы и материалы*. Вильнюс.
- Прозоров, И. (1933) *История старообрядчества*. Каунас.
- Селюгин, И. (2004) *Сохраняя старую веру: страницы истории создания Шяуляйского старообрядческого храма Успение Пресвятыя Богородицы*. Шяуляй.
- Сивицкене, М. (1988) «Русские говоры Литвы в связи с исходной локализацией». In: Костючук, Л. (ред.) *Псковские говоры в прошлом и настоящем*. Ленинград. С. 126–134.

- Симонян, Р. (2003) *Россия и страны Балтии*. Москва.
- Станкевич, А. (1909) *Очерк возникновения русских поселений на Литве*. Вильна.
- Хронограф (2004) *Degučių metraštis [Chronografas, arba Kuršo ir Lietuvos metraštis = Хронограф, сиречь Летописец Курляндско-литовской] / Rusišką tekstą parengė Nadiežda Morozova, į lietuvių kalbą išvertė Irena Potašenko, komentarus parašė Grigorijus Potašenko, pratarinę parašė Nadiežda Morozova, Grigorijus Potašenko*. Vilnius.
- Чекмонас, В. (2003) *Очерки синтаксиса старообрядческих говоров Литвы* (рукопись).
- Чекмонас, В., Морозова, Н. (1998) «О понятии, особенностях и проблемах происхождения традиционного говора старообрядцев Литвы». In: Чюбринскас, В. (ред.) *Старообрядцы Литвы: материалы и исследования (1996–1997)*. Вильнюс. С. 41–61.
- Чюбринскас, В. (ред.) (1998) *Старообрядцы Литвы: материалы и исследования (1996–1997)*. Вильнюс.
- Ališauskas, V. (sud.) (2006) *Krikščionybės Lietuvoje istorija*. Vilnius.
- Blaževičius, P. (1997) *Rokiškio krašto sentikiai*. Panevėžys.
- Bumblauskas, A. (2005) *Senosios Lietuvos istorija: 1009–1795*. Vilnius.
- Čekmonas, V. (2001) „Šnektos“. In: Potašenko, G. (red.) *Lietuvos tautinės mažumos: kultūros paveldas*. Vilnius. P. 159–168.
- Čiplytė, J. V. (2001) *Lietuvos sentikių gyvenimo puslapiai*. Vilnius.
- Iwaniec, E. (1977) *Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach polskich*. Warszawa.
- Jaroszewicz-Pieresławcew, Z. (1995) *Starowiercy w Polsce i ich księgi*. Olsztyn.
- Jaroszewicz-Pieresławcew, Z. (2003) *Druki cyrylickie z oficyn Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI–XVIII wieku*. Olsztyn.
- Kasatkina, N., Leončikas, T. (2003) *Lietuvos etninių grupių adaptacija: kontekstas ir eiga*. Vilnius.
- Potašenko, G. (2001) „Lietuvos sentikiai: Raguvo bendruomenės istorija“. In: Samavičius, R. (red. ir sud.) *Raguva* (ser. *Lietuvos valsčiai; 8-oji kn.*). Vilnius. P. 286–300.
- Potašenko, G. (2001a) „Lietuvos sentikiai: Lukošiškių parapijos istorija“. In: Seliukaitė, I. (red. ir sud.) *Tverečiaus kraštas: istorija, etnografija, tautosaka*. Vilnius. P. 444–461.
- Potašenko, G. (2006) *Historic and Cultural Heritage Sites of the Old Believers in Lithuania*. Washington: United States Commission for the Preservation of America's Heritage Abroad.
- Sakralinė dailė (2003) *Lietuvos sakralinė dailė, XI–XX a. pradžia*. T. 1: Tapyba, skulptūra, grafika XIV–XX a. pradžia. Vilnius.
- Šapoka, A. (1934) „Iš kur Lietuvoje rusai?“. In: *Šviesos keliai*. Nr. 7. P. 426–429.
- Šapoka, A. (red.) (1989) *Lietuvos istorija*. Vilnius.

Lietuvos sentikių tyrimų tradicija: nuo demografijos link konfesinės istorijos ir sociolingvistikos

Grigorijus Potašenko

VILNIAUS UNIVERSITETAS, LIETUVA

SANTRAUKA. Straipsnyje išskiriamos ir analizuojamos svarbiausios ankstesnių istorinių laikotarpių ir šiuolaikinių sentikybės Lietuvoje tyrimų kryptys, vertinama šių tyrimų apimtis ir būklė. Lietuvos sentikių istorijos sisteminėse studijose galima išskirti keturis etapus: 1) XIX a. antrasis ketvirtis – XX a. pradžia; 2) XX a. 3-iasis ir 4-asis dešimtmetis; 3) sovietinis laikotarpis; 4) laikotarpis po 1990 metų. XX a. 3-iajame ir 4-ajame dešimtmetyje iš esmės nebuvo atliekami rimtesni Lietuvos sentikių

istorijos tyrimai. Sovietinių laikotarpiu ne itin gausiuose tyrimuose vyravo požiūris į sentikybę kaip į kultūrinį fenomeną (tačiau ne kaip į religinę bendruomenę). XX a. 6-ojo dešimtmečio pabaigoje–8-ajame dešimtmetyje pradėti Lietuvos sentikių dialektų ir folkloro tyrimai. Laikotarpyje po 1990 m. padaugėjo folklorinių, istorinių, sociolingvistinių ir kitokio pobūdžio sentikybės tyrimų. Ypač produktyviai darbuojasi folkloristas J. Novikovas. Su jo vardu susijęs šios anksčiau primirštos tyrimų srities atgimimas. Naujai ir dinamiškai kryptiai priklauso veikalų, skirtų Lietuvos sentikių istorijai, leidyba, taip pat sentikių rašytinių kultūros paminklų publikavimas. Svarbiu paskutiniojo dešimtmečio istorinių tyrimų pasiekimu laikytinas V. Baranovskio ir G. Potašenko darbas „Sentikybė Baltijos šalyse ir Lenkijoje: trumpas istorinis ir biografinis žodynas“, kuris buvo parengtas dalyvaujant dar 24 autoriams iš penkių šalių. Kita kryptis – tai dialektologiniai ir sociolingvistiniai (V. Čekmonas, N. Morozova) tyrinėjimai. Socialinių mokslų specialistai neatliko sentikybei skirtų tyrimų, tačiau įvairių fragmentiškų duomenų apie sentikius randama ir sociologų darbuose. Šiuolaikinėje lietuviškoje istoriografijoje, atsižvelgiant į pasiekimus minėtuose tyrimuose, stinga rimtesnių studijų apie sentikių muzikinę kultūrą, ikonų tapybą, šiuolaikinį religingumą.

PAGRINDINIAI ŽODŽIAI: LIETUVOS SENTIKIAI, RELIGINĖ MAŽUMA, TARPDISCIPLININIAI TYRIMAI.

Tradition of Research of Old Believers of Lithuania: From Demography to a History of Confession and Sociolinguistics

Grigorijus Potašenko

VILNIUS UNIVERSITY, LITHUANIA

SUMMARY. This article aims to reveal the basic directions of research of Lithuanian Old Believers' historical and cultural heritage as well as to assess the scope of this research. It is possible to allocate four stages of study of the history of the Old Believers of Lithuania: 1) the second quarter of the 19th century to the beginning of the 20th century; 2) 1920–1930; 3) the Soviet period; 4) the period after 1990. In the 1920s and 1930s, substantial research of the history of local conservatives was not carried out. In some studies of the Soviet period, the approach to the Old Beliefs was the same as that to a cultural phenomenon (but not a religious society). After the 1950s, explorations on dialects and folklore of Old Believers of Lithuania began. After 1990, it was possible to observe some revival in folklore, history, sociolinguistics, and some other research of the Old Believers of Lithuania. Novikov, a folklore specialist, is productive in the field of studying the Old Believers of Lithuania. The studies of history of the Old Belief in Lithuania have recently taken on a new and dynamic direction. Attention has recently been paid to publishing historical texts that bear cultural value. The most important result of historical research of the previous decade is Baranovsky and Potašenko's book *Old Belief of the Baltics and Poland: the Brief Historical and Biographic Dictionary*. One more direction of study is the dialectological and sociolinguistic research of the dialects of Old Believers of Lithuania (Čekmonas, Morozova). Social science experts have not carried out special research on the Old Belief in Lithuania. Still, various, fragmented data exists. Taking into account scientific promotion in the specified directions, the lack of more serious research into art and modern religion in Lithuanian contemporary historiography is obvious.

KEY WORDS: OLD BELIEVERS OF LITHUANIA, RELIGIOUS MINORITY, INTERDISCIPLINARY RESEARCH.